

*Сандре и Майклу, моим родителям.
Спасибо за то, что позволяли мне
взбираться на любые деревья.
И были готовы подхватить меня, если я упаду.*

«Любить, познать любовь — этого достаточно. Не просите большего. В темных глубинах жизни нет других жемчужин».

Виктор Гюго, *«Отверженные»*

Пролог

— Я тебя даже не разглядела толком, когда увидела в первый раз.

— Ты видела только военную форму.

— Да, и она меня напугала.

— Ну, я тоже едва взглянул на тебя.

Она легонько ущипнула его за щеку.

— Неужели?

— Я знал, что ты не хочешь привлекать внимание. Тем более — мое внимание. Но я тебя приметил. — Он поиграл с ее пальцами. — И ты меня заинтриговала.

— Продолжай, — подбодрила она его.

Его тронуло, что она хотела слышать, как он говорит о ней: — Ты показалась мне дерзкой. И храброй. Я знал, что ты боялась тех полицейских, но виду не показывала. — Он отпустил ее пальцы. — Меня это восхитило. — Он провел рукой по ее волосам. — Но я чувствовал, что ты можешь попасть в беду.

— Ты подумал, что спасешь меня?

— Нет. — Он пристально посмотрел на нее. — Я знал, что это ты спасешь меня.

Часть первая

1963

Глава I

Бретань, май 1963 года

Элиз

Я смотрю из эркера на море — волны бьются о серые скалы, белыми брызгами отскакивая от изрезанных выступов. Повинуясь порыву, я распахиваю окно навстречу крикам чаек и неустойчивому шуму прилива. Пара голубей балансирует на телеграфном проводе. Они поворачивают головы в мою сторону, с любопытством разглядывая меня.

— Элиз. — Мсье Бофор входит в комнату, его голос пронзает меня насквозь. — Ты закончила? Могу подбросить тебя до станции.

— Спасибо. — Я закрываю окно, вытираю пыль с подоконника и поворачиваюсь к мсье Бофору, нацепив вежливую улыбку. Снимая с себя рабочую униформу, я следую за ним вниз по лестнице, вешаю тунику на заднюю сторону кухонной двери, и мы выходим на подъездную дорожку.

Он открывает передо мной дверцу машины.

— *Merci, Monsieur*¹. — Он — джентльмен, и я это ценю. Это заставляет меня чувствовать себя не столько его экономкой, сколько личностью.

¹ Спасибо, мсье (фр.).

— Какие у тебя планы на выходные? — спрашивает он, пока мы едем по обсаженным деревьями дорогам к станции в Сен-Бриё¹.

— Ничего особенного, пообедаем дома с дочерью, а потом, наверное, прогуляемся по пляжу.

— Как Жозефина?

Я тронута тем, что он помнит ее имя.

— Прекрасно, спасибо. Через месяц получает степень бакалавра. Хочет поступить в университет. — Я слышу гордость в своем голосе и вовремя останавливаю себя, чтобы не пуститься в рассказы о том, какая она умная девочка. — В прошлом месяце ей исполнилось восемнадцать.

— Уже? Она была совсем малышкой, когда ты начала работать у нас.

— Да. — Я откидываюсь на спинку сиденья, гадая, закончилась ли эта глава моей жизни. Я выполнила то, что намеревалась сделать. Жозефина благополучно достигла совершеннолетия, и скоро я расскажу ей правду. Ложь, которую я построила вокруг ее детства, разрасталась как невидимые тюремные решетки, сдерживая меня, заманивая в ловушку. Теперь только правда освободит меня. Но одна лишь мысль об этом приводит меня в ужас.

Остаток пути мы проводим в тишине, и я испытываю облегчение, когда впереди показывается железнодорожная станция. Поезд уже подан, и я благодарю мсье Бофора, прежде чем поспешить на платформу, где сажусь в пустой вагон и устраиваюсь на потертом бархатном сиденье. Я думаю о том, чтобы прогуляться с Жозефиной после обеда; с другой стороны, мне не хочется отвлекать ее от занятий. Как только она сдаст экзамены, у нас появится больше свободного времени и мы сможем поговорить. Поговорить по-настоящему. Я вижу, как она готовится расправить крылья и улететь, но не могу отпустить ее, пока не расскажу все, что ей нужно знать.

Когда поезд прибывает в Ланьон, я выхожу из вагона и направляюсь к автостоянке у дороги. Старенький зеленый

¹ Старинный город в регионе Бретань, на северо-западе Франции.

внедорожник «Рено» стоит на том же месте, что и каждую субботу, когда Суазик забирает меня со станции. — *Bonjour*¹, Суазик. — Я открываю пассажирскую дверь, забираюсь внутрь и приветствую ее легкими поцелуями в обе щеки. — Как ты?

— Жозефина сегодня вернется попозже, — так отвечает она на мой вопрос.

Сердце замирает, но я беру себя в руки, прежде чем спросить:

— Она ушла обедать к приятелю?

— Да, к Эрве. — Суазик поворачивает ключ в замке зажигания, и мы трогаемся с места.

Я искоса поглядываю на нее.

— Кажется, она проводит с ним много времени.

— Это здорово, что у нее появился парень. Не переживай, я провела с ней беседу о мальчиках и... — Она замолкает, и нарек повисает в воздухе.

— Я тоже поговорю с ней. — Я пытаюсь закрепить свой материнский авторитет, чем и занимаюсь с тех пор, как родилась Жозефина.

Сосредоточенная на дороге, Суазик поднимает бровь. Я отворачиваюсь и смотрю в окно. Парусники в Бе-де-Сент-Анн брошены на берегу и лежат на боку, ожидая следующего прилива. Море смывает на своем пути все, что не закреплено якорем или не утоплено в песке. Иногда я жалею, что не могу вот так запросто смести прошлое, позволить волнам унести его далеко в океан, где оно останется навсегда. Но прошлое — это часть того, кто мы есть, и мне пора взглянуть ему в лицо. И Жозефине пора его узнать.

— Я приготовила обед. — Суазик бросает на меня взгляд. — Луковый суп, а к нему — свежий багет.

— *Merci*². — Я пришла к пониманию, что так Суазик показывает свою заботу. И в этом нет никакого притворства. Несмотря на ее едкие реплики и некоторую холодность, я знаю,

¹ Здравствуй. (фр.)

² Спасибо. (фр.)

что она искренне заботится о Жозефине и даже обо мне. Пусть мы не одной крови, но Суазик стала частью нашей маленькой семьи. Я просто не уверена, какую роль она взяла на себя — матери, бабушки или отца. Порой кажется, что все три сразу.

Мы поворачиваем за угол и подъезжаем к старому каменному коттеджу, который стал моим домом с тех пор, как я покинула Париж. Запахи чеснока и лука встречают меня, когда мы заходим внутрь, и теперь голод дает о себе знать. Суазик разливает суп по тарелкам; расплавленный сыр растекается между гренками и кольцами мясистого лука. Прежде чем взять ложку, она осеняет себя крестным знамением:

— Спасибо, Боже, за эту пищу.

— Аминь, — бормочу я.

Мы едим в дружеской тишине, рожденной многолетним знакомством. Суазик — не любительница светской беседы, и я привыкла к ее манерам. Таких, как она, называют неразговорчивыми, но у нее на то свои причины. Мы как раз доедаем суп, когда на кухню врывается Жозефина; в ее ярко-голубых глазах светится возбуждение.

— Мама, угадай! — Она даже не здоровается.

Я взволнована, видя дочь такой счастливой, и встаю, чтобы чмокнуть ее в щеку.

— *Bonjour*, Жозефина. — Рядом с ней стоит Эрве, и я протягиваю ему руку. Вспыхивая румянцем, он отвечает крепким рукопожатием. Кажется, славный парнишка.

— Угадай! — повторяет Жозефина, бросая взгляд на Эрве, а потом снова на меня. — Школа организует поездку в Англию.

Жозефина обожает все английское; она мечтает поехать в эту страну с тех пор, как «Битлз» выпустили свой первый альбом в прошлом месяце. Иногда я слышу, как она поет их песни «Люби меня», «Пожалуйста, порадуешь меня». Я смотрю на свою дочь, на это юное лицо, озаренное радостным волнением, и со знакомой тоской вспоминаю ее отца. У нее та же *joie de vivre*¹, тот же интерес к жизни, такое

¹ Жизнерадостность. (*фр.*)

же горячее желание попробовать эту жизнь на вкус. Но как тяжело у меня на сердце, когда я знаю, что придется разочаровать ее.

— Жозефина. Сожалею. Мы не можем себе этого позволить.

Ее глаза становятся на оттенок темнее, уголки рта опускаются, ямочки на щеках исчезают.

— Но ты даже не знаешь, сколько это стоит. И у меня осталось немного денег, подаренных на день рождения.

— Я знаю, что ты не все потратила. — Я сжимаю ее руку. — Но у нас нет таких денег, чтобы хватило на поездку.

Она выпускает глубокий вздох, и я чувствую, как все ее тело сдувается. Эрве поджимает губы, отводя взгляд, как будто смущенный. Деньги — не та тема, которую обсуждают вне семьи.

— У тебя даже нет паспорта, — вмешивается Суазик.

При слове «паспорт» мое сердце пускается вскачь. Жозефине нужно подождать еще немного, до окончания экзаменов, пока у нас не появится время, чтобы поговорить обо всем спокойно и обстоятельно.

— Я уверена, что смогу его получить! — Жозефина повышает голос, явно закипая от злости. Вместо того чтобы помочь осуществить ее мечты, мы мешаем ей, сдерживаем ее.

Я поворачиваюсь к Эрве.

— А ты едешь?

— Я собираюсь спросить своих родителей. — Он смотрит на Жозефину. — Они могли бы одолжить тебе немного денег.

— Нет! Об этом не может быть и речи, Эрве! — Я возмущена его предложением; еще не хватало, чтобы он взялся решать наши проблемы. — Будет еще много других возможностей. — Я снова обращаюсь к Жозефине, подводя черту под обсуждением:

— В любом случае, ты еще недостаточно взрослая для такого большого путешествия. — Я пытаюсь изобразить примирительную улыбку.

— Мама, я уже не маленький ребенок. — Жозефина отвергает мою улыбку. — И уверена, что смогла бы раздобыть

деньги. — Она бросает взгляд на Суазик, затем снова на меня. — Но ты все равно не хочешь, чтобы я ехала, не так ли? Ты даже в Париж не готова меня отпустить. Ты просто хочешь, чтобы я всю жизнь торчала здесь, в этой богом забытой Бретани.

— Нет, это неправда! — Ее внезапная эмоциональная вспышка застает меня врасплох. — Я знаю, что ты не ребенок.

— Тогда почему ты все еще относишься ко мне как к маленькой?

— Жозефина! — Суазик останавливает ее холодным каменным взглядом. — Довольно.

Жозефина нарочито громко вздыхает.

— Я не собираюсь оставаться здесь навсегда, ты знаешь.

— Я сказала: довольно. — Суазик встает из-за стола, для пущей убедительности складывая руки на груди.

Это ее дом, и мы живем по ее правилам. Мы не кричим и не ссоримся. Я внутренне съеживаюсь, сердце разрывается от жалости к дочери. На самом деле этот спор вовсе не из-за денег.

Жозефина не сдается:

— Пусть я не поеду в это путешествие, мне все равно. Я просто хочу покинуть этот дом и Трегастель. Он такой... такой маленький. И люди такие...

Она поворачивается к Эрве — по нему видно, что он предпочел бы оказаться где угодно, только не там, где находится. Она берет его за руку и увлекает за собой к двери.

Глава 2

Бретань, май 1963 года

Жозефина

— Я тогда тоже не поеду. — Эрве обнимает Жозефину за плечи, когда они идут по прибрежной дороге к его дому.

Она резко останавливается, отступает в сторону и поворачивается к нему лицом.

— Дело не в поездке. Я просто сыта по горло тем, что мы даже не можем поговорить об этом. Я могла бы найти способ раздобыть деньги; у меня есть кое-какие сбережения, но мама не хочет, чтобы я уезжала. Она вообще не хочет, чтобы я что-то делала. Она всего боится. Боится жизни! — Жозефина переводит дух. — Мне даже не разрешают выходить из дома в субботу вечером.

— Но суббота — единственный день недели, когда твоя мама может провести вечер дома.

— На чьей ты стороне? — *Почему он не видит, насколько жестко ее контролирует мать?*

— Мне жаль твою маму.

Жозефина с прищуром смотрит на него.

— Что-что?

— Ну, у нее не так много денег, верно? И она совсем одна.

— У нее есть Суазик. В любом случае, это ее вина. Она никогда не хотела ни с кем встречаться. У нее были предложения, но никто не казался ей достойным внимания. — Жозефина

снова пускается в путь, и беспокойная энергия захлестывает ее, когда она думает о том, что мать даже не хочет поговорить об отце — Фредерике, застреленном во время освобождения Парижа. Всякий раз, когда Жозефина поднимает эту тему, мать меняется в лице, настораживается и отводит взгляд, как будто погружаясь в собственный тайный мир.

— Я мог бы одолжить тебе немного денег, — предлагает Эрве. — Мне тоже нужно получить паспорт. Мы могли бы сделать это вместе.

— Что для этого понадобится?

— Я не знаю. — Он ловит ее ладонь, и они шагают рядом, размахивая сцепленными руками. — Наверное, свидетельство о рождении?

— Я даже никогда не видела своего свидетельства.

— Ну, оно должно быть у каждого. Спроси свою маму. К тому же всегда можно получить копию в местной ратуше.

Эрве, кажется, знает обо всем куда больше, чем она, и это ее слегка бесит.

— Я возвращаюсь. Хочу поискать свое свидетельство о рождении.

— Что, прямо сейчас?

— Да. Докажу ей, что я не ребенок. Я намерена оформить себе паспорт.

— Она чмокает его в щеку и спешит домой, полагая, что Суазик и мать, вероятно, еще в полях, загоняют коров на ночь после пастбища. Конечно, она могла бы просто попросить свое свидетельство о рождении, но не хочет новой ссоры. И она догадывается, где может быть спрятано свидетельство — в маленьком чемоданчике под кроватью матери, где хранятся старые фотографии и документы. Не то чтобы Жозефине категорически запрещено заглядывать в него; это лишь одно из негласных правил, которое не позволяет рыться в чужих личных вещах.

Удача на ее стороне: в доме — никого. Она заходит на кухню, затем поднимается по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, в единственную комнату наверху — спальню своей матери. Посередине стоит простая кровать из темного